

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Пётр СИМУШ

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: simush@inbox.ru

РОССИЙСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ – 1917: ИСКУСНОЕ ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС

Предмет исследования – миръ и мир, граница которого – война. Выбор России в 1917-м – революционный пацифизм, востребованный необходимостью труда VS война и творчества VS разрушение. Русская словесность революции превосходит предубеждённый разум политиков. Современная филология приблизилась к открытию сакрального смысла «Февраля», «Октября» и «Ноября». В единстве их коммуникации революционная событийность в духовной жизни и в судьбе России явилась для каждого россиянина судьбоносным выбором мира против войны.

Благодаря методу индукции и дедукции обобщена феноменология двойственной реальности – видимая и метафизическая. Использован также метод синтетического конструирования, включающего вербальный аспект портрета.

Революция имеет коммуникативную и медианную природу, выражающую требования Откровения – видеть «срединное царство» в революционной событийности. Поэты Серебряного века услышали небесную «музыку революции», рассмотрели её образ и поняли её срединную сущность. Интегрально-филологический анализ плетельных словес о революционных событиях 1917 года позволил автору оспорить формулу об одиночном Великом Октябре и ввести в руссиеведение идею о конвергенции четырёхфазной российской пацифистской революции.

Ключевые слова: словеса, ключимость, пацифизм, конвергентность, медианность, патриотичность, демиург, коммуникабельность, мировая война, революционная миролюбивость

Мирь и мир, воссоздаваемые словом

Человеческая мысль в лице Платона открывает в таинственном Демииурге совокупное сознание человечества, пытающееся разгадать Абсолют, Творца, от которого исходят объективные требования ко всем людям – постигать духовное миролюбие. Учёные догадались о действии совокупности закономерностей во Вселенной, назвав её Богом (В.О. Ключевский). Если богословие сосредоточилось на религиозном общении, то на поэтику и филологию выпала участь исследовать Бога, исполняя пожелания библейских пророков – надо верить, любить друг друга, а не враждовать и воевать.

Думая о событийности русской судьбы в духе открытия Н.В. Гоголем её подобия событиям в Ветхом Завете, я представляю грозную годину 1917-го в неразрывной связи с Первой мировой войной – основной причиной российской пацифистской революции. Вспоминается мне лермонтовское «Предсказание» (1830) о грядущей катастрофе, «чёрном дне» в русской судьбе. Тревожит память завещание императора Александра III Миротворца своему наследнику – во что бы то ни стало сохранять мир и спокойствие для империи. Однако его преемник на русском троне поступил «с точностью до наоборот». Помня совет о том, что «о мёртвых следует говорить или хорошо, или ничего, кроме правды», не буду рассматривать всуе царя, который разрушил империю своим нежеланием установить коммуникацию с народом и склонился ко злу (Быт. 4:1–13). В ответ царизму прозвучал набат революционного пацифизма.

В отличие от политиков, путающихся в хитросплетениях словес о зле и добре, лирики России – выразители и творцы либерально-гуманитарной культуры. В её контексте жила и живёт мысль Серебряного века о Боге, об Откровении. И хотя в ней, по мнению Константина Фофанова, было «Всё меньше веры в божество / И больше – веры в человека!», классики считали, что реальный дух сильнее тела. Мысль человеческая неотделима от главной идеи о Творце, Откровения которого есть мысль о человеке и об общении на волне миролюбия.

По признанию Александра Блока, в его «...душе лежит сокровище, / И ключ поручен только мне!». Точно выразил себя Фёдор Сологуб: «Я – бог таинственного мира...». Первая роль в революции сыграна коммуникаторами.

«Целому сердцу, – размышляла Марина Цветаева, – нужен весь Бог». Невозможно «стать духом», согласно Владимиру Ходасевичу, «пока вся кровь не выступит из пор, / Пока не выплечешь земные очи...». В «музыке революции», подобно «обману бытия», звучало «Творца веленье». Осознавал это Иннокентий Анненский. «Будем молиться всегда неземному / В нашем хотенье земном!», – призывал людей Константин Бальмонт. «Лицезрением в печати» был одарён Андрей Белый. Он видел, что

«Россия – рассыпалась хаосом враждующих местностей, областей, партий, классов и сословий» (в статье «На перевале. 1. Весенние мысли»). Его поэма «Христос воскрес» говорила россиянам, что в глубинах русской поэзии текут животворные ключи «нового Назарета». Их «держали» в руках Гоголь, Достоевский, Толстой.

Ключи... Без них не понять *русской ключимости*, означающей «свойство, качество, состояние ключимого» (В.И. Даль). Главный ключ к Руси – России был передан нашим праотцам апостолом Андреем Первозванным. Как известно из Библии, универсальная власть над ключами принадлежит Богу и Иисусу. Евреи получили божественный «ключ дома Давидова...» (Ис. 22:22). У Христа есть «ключи ада и смерти» (Откр. 1:18). Иисус передал «ключи Царства Небесного» апостолу Петру. Он имел поэтому власть на земле связывать и разрешать (Мф. 16:19). Не обращаясь к св. ап. Андрею Первозванному, мы не сможем «связывать и разрешать» главное в руссиеведении, её парадигму коммуникативности.

На переломе 17-го классики смогли обрести понимание главного. Эпиграфами из их произведений можно предварять исследование «Россия и Революция». Сто лет назад не нашлось в мире силы, которая остановила бы вызов к нормальной коммуникации. Русские и еврейские поэты – удивительные её глашатаи. Спустя четыре десятилетия русский еврей Борис Пастернак по примеру «Двенадцати» Блока завершает роман «Доктор Живаго» стихотворным гимном Иисусу Христу. Мне, экс-ответработнику ЦК КПСС, понятен великий нравственный подвиг Бориса Леонидовича, продвинувшего Советский Союз вперёд к диалоговому прозрению. Однако руководители страны предали гения духа анафеме.

Оглядываясь на столетие назад, я вспоминаю и тех поэтов, которые не смогли верно оценить революцию в коммуникабельности; они были либо близоруки, либо консерваторы, поскольку перемена, даже к лучшему, может пугать. Приверженность к старым истинам самодержавия и индивидуализма оборачивалась обломками в виде предрассудков. Трудно приближаться к требованиям Откровения, если вслед за Владимиром Маяковским считаешь: «...Все мы немного лошади, каждый из нас по-своему лошадь». Своё мировидение Владимир Хлебников раскрыл так: «Звёзды – невод, рыбы – мы, / Боги – призраки у тьмы». Против атеистической агрессии революционеров протестовала Зинаида Гиппиус, которая знала: «Душа по природе религиозна. Невыносимо ощущение покинутости в мире, если нет Бога». Революция сделала эмигрантом поэта и прозаика Дона Аминадо, который не услышал блоковской «музыки»: «Если человек слышит голос совести, то у него все вопросы решаются большинством одного голоса». Это «большинство» чётко выражено в есенинских произведениях 1917–1923 гг., исследованных мною в трёх монографиях [5; 6; 7].

Сотворяя небесный пролог к всероссийской революции, Сергей Есенин вступил, так сказать, в сакральный диалог с Владимиром Маяковским. Трибун революционного советизма в своём акафисте охарактеризовал его следующими словами: «Провалились все середины, / Нету больше никаких середин». Действительно, наступившая 6-го января 1918 г. партийно-большевистская эпоха своим радикализмом стала утверждать «воинствующий материализм», безбожие и духоненавистничество. Вождь пролетариата не оценил ту нравственность, которую Ф.М. Достоевский в пику коммунизму назвал «всечеловечностью». Именно она уважает все народы и все традиционные религии. Поэтому в России не наступили сумерки богов и деяние людей не пошло к ночи вражды.

Почти полвека пробыл я в жизненной орбите марксистского безбожия. Не знаю почему, но отход от него начался у могилы Г.Р. Державина в новгородском селе Званка. Мозг пронзила державинская дерзость: «Я царь – я раб, я червь – я Бог». Неведомый Господь приложил к моему размышлению «...печать вечности / Ко многим летучим мгновеньям». Мгновениями возникали революционные дни 17-го. Значение их постигалось эмоционально и ментально, при помощи разума и любви. Сила интеллекта давала возможность глубже и глубже проникать в религиозную сущность Великой российской революции. В своей драме она воплощала требования Откровения, будто говоря россиянину: «Смотри на войну, мир и миръ по-новому». Ибо смотреть по-старому – это отрицать необходимость творчества революции.

Советский человек жил с представлением о Великом Октябре как главном празднике СССР. На нём поставили крест радикал-реформаторы. Нам, россиянам, будет трудно выстраивать своё грядущее, если мы не вступим в активные отношения с таким предметом познания, как революция 17-го. Сила нашей любви к России даёт нам возможность разрушить стену, воздвигнутую между нами и цивилизационной революцией. Эта стена отчуждения продолжает отделять одного человека от другого, богатого от бедного, начальствующего от подчинённого. Ибо нам неведомо то, что русская революция была прежде всего творчеством.

Выстраданные поэтикой чувства любви и солидарности через 100 лет превратились в наш огромный дефицит. Видимо, потому, что подтверждается признание Анны Ахматовой: «Тяжела ты, любовная память!». Власть «боится лишнего взгляда в прошлое» (Зинаида Гиппиус) русской революции. Минувшее и настоящее требуют не только любви, но и связанного с нею служения, страдания и покаяния. В своём единении эти законы общественной жизни сводятся к человечности. Главным требованием Откровения является *гуманистичность*. Она невозможна без Правды как истины, права и справедливости. Познавая эту триаду, поэзия предстаёт летописью коммуникативной необходимости. В 1917 году Россия подверглась испытанию войной. Логос требовал: миръ требует мира от правителей.

Слова «свобода и «миролюбие» от глагола «переворотить»

Французское слово «революция» – это своего рода «прокрустово ложе» для российскости, желающей своего понимания. В.С. Соловьёв, искавший «точный основной смысл терминов», советовал «более держаться форм глагольных и отглагольных» [10, с. 430].

Глагол *переворотить* имеет своими синонимами слова: переворочать, перевертывать, перевертать, переворачивать, ворочать на другую сторону (В.И. Даль). Все эти глаголы можно обозначить тремя словами: свершение, делание, общение.

Революция заменяет формулу о конкретном «революционном процессе» и означает в истории перевертывание общественного уклада. В обиходе бытует совет: «не перевертывай попусту стрелок на часах». Случается, что сильный ветер перевертывает лодку, опрокидывает её. Читая книгу, мы перевертываем листы. Упомянутые глаголы, по Далю, дают делу иной ход, изменяют направление. Многим знакомы такие ситуации: новый начальник всё переворачивает по-своему; дело перевернули в его пользу, а не в пользу «прилагательных» – соединяющая и сообщающаяся (связь).

В июле и октябре 1917 г. группы радикалов развязывают вооружённые выступления, а позже гражданскую войну. Однако ни одна цель не стоит этого, поскольку не получается что-либо доброе. Людям надлежит полагаться не на зло, а на мир, ибо в противном случае они ничего хорошего не достигнут. Русскому народу всегда нужен постоянный диалог с властителями. Этого прежде всего добивался писатель Аввакум (Петров). Самодержавию в начале XX века была нужна мысль о прямой и обратной связи между «низами» и «верхами», но она не пришла в голову императора, поэтому и случились трагические события, свидетельствующие об отсутствии искомого диалога. Его требует сама суть понятия «держава», которое, по В.И. Далю, есть население и власть. Мировая война превратила столицу империи во «взбунтовавшееся море» (очевидец В.В. Шульгин).

В своём «Дневнике» А.А. Блок записывает мысли о захвате власти большевиками методом вооружённого восстания: «Некоторые полагают, что выступления не надо, так как оно подорвёт голоса в Учредительном собрании... Выступление может, однако, состояться совершенно независимо от большевиков – независимо от всех – стихийно» [1, с. 311–312]. Думаю, что демиургам всё-таки удавалось управлять стихией.

В 1917 году произошло невиданное ещё в мире перевертание огромной страны. Библейское «Зерно», воспетое Владиславом Ходасевичем, дало много богатых всходов и ещё раз показало «злобу дня» библейского афоризма: «...если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то оста-

нется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12:24). Умерли два «зерна» (царская и советская империи). Но способна ли Российская Федерация принести «много плода»? Олигархии и бюрократии не нужно выращивание «плодов». Им неведомо то, что в революции 17-го воры перешли в класс грабителей.

Стратегия жизнеспособности страны, обратившись к филологии, найдёт в этой науке три судьбоносных слова: «общение», «экология» и «миролюбивость». Российский народ, по убеждению В.О. Ключевского, способен «подниматься на ноги после падения». Революция 17-го устами классиков призывает нас с помощью коммуникативной функции языка собрать свои растерянные нравственные силы и воплотить их в миротворцах. В пережитом опыте 17-го и гражданской войны надо суметь заново «видеть это прошлое, преемственно воспринимая жизненные его силы» (слова архимандрита Константина (Зайцева), 1955 г.). Глагол «переворотить» относится к «перевёртыванию» Семнадцатого года. Словосочетание «революционная демократия» обернулось восхождением словосочетаний «национальная целостность» и «народное единство». Они определили лексикон не только Февральской либерально-народной революции, но и общенациональной революции против милитаристов и реакционных клерикалов.

В отличие от исторической конкретики, политики обожают всевозможные абстракции. В 1917-м они «правят бал». Вглядываясь в революцию, нельзя не видеть свойственного ей словесного активизма, связанного с молодостью её участников. Революционеры чувствовали себя не смертными особами, а бессмертными героями. Их уста изрекали соблазняющие слова: «народ», «свобода», «демократия», «революция». Распадающееся государство именовали «отечеством», реальную катастрофу – «родиной». В основе провозглашаемой эсерами и большевиками социалистической утопии находилось чувство, что революция представляет собою нечто более реальное, чем Россия и её население. Герои-революционеры заслоняли собою конкретных людей, которым было нужно миролюбие.

Мерой всех вещей в 17-м стал вождь. Демиург пролетариата призвал превратить мировую войну в гражданскую, а синодальная церковь была за продолжение войны. Можно по-разному относиться к большевистскому перевёртыванию России и мира, но с гуманистической, а не с классовой точки зрения призыв Ленина к гражданской войне был безрассудством. И всё-таки он обещал мир народам. В сегодняшних прениях о событиях вековой давности должен неизменно присутствовать вопрос о взаимоотношении России и революционного пацифизма. Страна ради революции или революция ради России?

Задумавшись над этим вопросом, я вспомнил Г.В. Плеханова и Ю.О. Мартова (Цедербаума). Ультрарадикализм они отвергли. В своих речах Мартов, по признанию Ф. Степуна, поднимался до высоты под-

линного нравственного пафоса, его гуманизм противостоял поэту Валерию Брюсову, который высказывал погромные желания – всё жечь, громить «и складывать костёр из бесконечных книг». Обращаясь к каждому человеку, поэт Дон-Аминадо (Шполянский) рекомендовал: «Люби человечество сколько угодно, но не требуй взаимности». В течение всего 17-го года разными голосами повторялась расхожая фраза: «Мы проснулись в совершенно другой стране».

Искомая частица «это»

Вологодский крестьянин Замараев в течение 15 лет вёл дневник, который хранится в музее города Тотьмы. Эвристически ценно процитировать его без комментариев, поскольку одна запись сделана уже после 1917-го. Русский крестьянин, который прежде не жил без «царя-батюшки» в голове, зафиксировал следующее: «Романов Николай и его семья низложены, находятся все под арестом и получают все продукты наравне с другими по карточкам. Действительно, они несколько не заботились о благе своего народа, и терпение народа лопнуло. Они довели своё государство до голоду и темноты. Что делалось у них во дворце. Это ужас и срам! Управлял государством не Николай II, а пьяница Распутин. Сменены и уволены с должностей все князья, в том числе главнокомандующий Николай Николаевич. Везде во всех городах новое управление, старой полиции нет».

Действительно, великая революция, будто молния, пронзала все-российскость XX века, спутывая ключевые понятия и, по словам Жака Маритэна, делая спутанные слова «проклятием». Империалистическую войну превращали в патриотическую эпопею; эксплуатируемый класс – в гегемона прогресса; вооружённое восстание – в Великую Октябрьскую социалистическую... И самым страшным и неприемлемым было безумие, проявленное против верующих в Христа.

Синодная церковь молча потакала «клерикалам», которые в своё время призывали «убить Льва Толстого», поддерживали «антихриста» в лице Григория Распутина. Война форсировала кризис государственной церкви, которая докатилась до того, что крупные епископы призывали объявить «жидовство» изуверской религией и изгнать всех евреев из России. Не стану вспоминать всех отвратительных вещей, творимых церковниками, но с душевной болью скажу: Синод пал ниже некуда. «Это» был кризис императорской церкви; дело шло к сумеркам и ночи безбожия.

«Это» – революционный пацифизм. Героиня нашего времени Елизавета Глинка произнесла на прощание знаковые слова: «Война – это ад...». Она хорошо знала, что говорила. Но эта страшная истина была неведома Всероссийскому императору, который принял роковое реше-

ние о «военной мобилизации». Оно ввергло Россию в мировую войну, которая унесла почти два миллиона человек. Мёртвые молчат, а живые никак не разгадают правды их грозного молчания. Сочетание слов «война и Россия» потребовало словосочетания «революция и Родина». Более столетия оно кажется нерасторжимым и вызывает теперь у многих злобу. Им неинтересно знать то, что знаменитый теоретик германской социал-демократии Карл Каутский в своей работе «Славяне и революция» назвал Россию новым «революционным центром» мира. Императорскую Россию смёл 1917 год. Спор об этой роковой године, её причинах и смысле, вызвавших колоссальный взрыв, идёт с тех пор, когда великая революция «потрясла “мир”» революционным пацифизмом.

«Это» была революционная стихия; «это» был хаос с его демиургами. Что ещё? Сергей Есенин назвал его «Весною» и «Преображением». Однако Россия не услышала тогда требование Откровения: людям жить в мире, вере и любви. Россияне не расслышали также зова личного, религиозного пацифизма.

Английский мыслитель Бертран Рассел дал пояснение: «Точное психологическое определение суждений не имеет отношения к логике и теории познания» [4]. Российская история подтвердила эту мысль. Хотя авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909 г.) отметили, что стране грозит политическая и моральная катастрофа, но публика не обратила внимания на это предостережение. В 1914 г. пришла злосчастная война, а через два с половиной года разразилась общенациональная катастрофа. «Наступили великие и страшные дни», – записал в своём дневнике Михаил Пришвин.

«Это» – *Февраль*. Со второй половины декабря 1916 г. атмосфера в обществе будто насыщалась электричеством; все чувствовали приближение сильной грозы, но никто ещё не знал, куда упадёт удар. И он действительно разразился 30 декабря. Произошло убийство Григория Распутина; воображаемые молнии осветили среду, в которой расцвела распутинщина. Прошёл рождественский праздник, и начался 1917-й. Тридцатый месяц войны.

Русская поэзия таинственным образом начала сближение с Иисусом Христом. Божественный младенец возникал перед глазами Есенина и Клюева. Первым есенинским откликом на Февральскую революцию было его стихотворение «Разбуди меня завтра рано...». В июне общественность услышит от Сергея Есенина «Певущий зов»: «Кто-то учит нас и просит / Постигать и мерить. / Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить!».

Однако в силе осталась библейская мудрость о том, что «несть пророка в отечестве своём» (Мф. 13:57; Мк. 6:4; Лк. 4:24; Ин. 4:44). Хорошо ещё, что мы продолжаем постигать Россию. Истины революционного 1917 года мы ещё не постигли; тайны различия между монархией и монархом не раскрыли: загадку «революционной демократии» проигнорировали [8].

Всемирное побоище (1914–1918) было поистине истребительной войной. Империя оказалась в пучине безумного истребления миллионов жизней. Россиян, разумеется, возмутило отношение Государя к употреблению слова «война». В письмах с фронта страдальцы выражали свою горечь и гнев. И сегодня меня очень удивляют теперешние оправдания царского недомыслия. Да, ушедшие молчат, но нельзя не услышать их недоумённого вопроса: «Господи, почему ты терпел такое заблуждение своего помазанника?». Мне трудно постигнуть современное переформатирование мировой войны, которая до предела мучила народ и всех фронтовиков. Совсем странно то, что многие интеллектуалы XXI века стали мнить себя, вслед за Ницше, «по ту сторону добра и зла».

Философ М.О. Гершензон с горечью и гневом умолял: «Нет, пусть мне не говорят о священном смысле ведомой нами войны...». За её ведение российский народ заплатил жизнями почти двух миллионов человек. Мёртвые молчат, а живым надо разгадывать смысл их молчания. Он требует своего раскрытия, а не умалчивания глубоких народных корней пораженчества в войне. Поэтому В.И. Ленин не молчал, а его противникам не было интересным молчание убиенных. Самое злое слово «война» породило словосочетание «революционный пацифизм», неотделимое от года 1917-го. Шёл тридцать первый месяц европейской войны, настал Февраль – перерыв постепенности.

«Это» – *конвергенция*. 2-го марта отречение русского Царя. Он уже не «Хозяин земли Русской» (его самоименование), а гражданин Н.А. Романов. Власть – не самодержавная, а «двоевластная». Термин «двоевластие» вошёл в историческую память россиян. Временному правительству пришлось делиться властвованием с Петросоветом. Свершается революционная конвергентность; большевики приблизились к левым эсерам; многие партийцы сходятся между собой в «Прогрессивный блок».

Конвергентными стали городская Дума и управы, избранные пропорционально от всех партий. Все кадетские верхи оказались на скамьях Думы: Милюков, Шингарёв, Набоков и др. Городское учительство разделилось на три группы, передовую группу педагогов возглавил Гуревич; прогрессивной группой учителей в Москве руководил Шацкий. Во главе громадного объединения всех учёных сил стал Максим Горький. К продолжению революции стремилась коалиция кадетов, эсеров и меньшевиков, почти вся журналистика. Полки в Питере делились на большевистские и колеблющиеся.

С марта 1917 г. созыв Учредительного собрания представлялся всеми партиями как высшее достижение революции. В ноябре проходили всенародные выборы. Однако выстраиваемая всенародно вершина революции противоречила взглядам на революцию В.И. Ленина – вождя Советов. Как бы то ни было, но Ноябрь, на который позже переориентируется Сергей Есенин, приблизил революцию к её завершению.

Принципиально судьбоносный выбор конвергентного пути, который маячил перед Россией, партия большевиков заменила «диктатурой пролетариата». Этот выбор решительно отверг «Российскую Республику», объявленную А.Ф. Керенским 1 сентября 1917 г. После Октября Россия именуется как РСФСР вплоть до декабря 1993 г. С этого времени происходит преобразование страны в Российскую Федерацию. Первая Республика вполне оправдывается исторической логикой П.Я. Чаадаева [11]. Вторая Республика одобряется логикой А.С. Пушкина, которая в отличие от чаадаевской философской конструкции отдаёт приоритет вполне реальной истории через обращение к событиям и фактам [3, с. 120].

Пушкинский подход, которым я воспользовался, требует рассмотрения всей великой событийности – 1917 – в единстве и целостности, и, подобно песне, нельзя одно слово «Октябрь» возносить до небес, а другое слово – «Ноябрь» – замалчивать. Время императорской «немотной России», с которой прощался Лермонтов, отразилось в последнем спектакле империи – премьере лермонтовского «Маскарада» в Петрограде 25 февраля 1917 г. Режиссёру Всеволоду Мейерхольду удалось соединить великолепную красоту с ужасным предчувствием грядущей гибели.

Я не разделяю оппозиционную царизму точку зрения о том, что русская монархия была невыносимой и кровавой деспотией. Правда же состоит в том, что самодержавный режим, отвергая диалог с народом, превратился в Феврале в прах без выстрелов и большой крови. Революционная стихия узнаёт своих вождей, но они не вникли в суть жизненного трагизма понятия «монархоцентризм». Именно оно и есть центр России.

Слава двух премьеров

Революционер, по Достоевскому, – ведущий «Бесов». Л.Н. Толстой, на взгляд Ленина, был «зеркалом революции». Атеист В.И. Ульянов не догадался, что особа Льва Толстого олицетворяет собою подлинную революцию в богословии. Это практически подтвердил толстовец, князь Г.Е. Львов, первый премьер Временного правительства. Его можно назвать также и «конвергентом». Самым любимым словом Георгия Евгеньевича была «совесть» [2, с. 335]. Но лишь на 4 месяца высокая нравственность была востребована революционной стихией.

Первенство в революции держал князь Г.Е. Львов, выдающийся земский деятель, возглавивший Временное правительство. Личность Георгия Евгеньевича воплощала в себе высокую нравственность в духе отстаивания толстовства. О нём немало написано как о деятеле умном и волевом, со своеобразным характером при единстве самосознания.

Прочитав сотни страниц мемуаров, я убедился в том, что он целостно понимал истину России и стремился к осуществлению совершенного блага, не своего личного, а общественного. И не удивительно, что экс-премьер, вынужденно став эмигрантом, умер во Франции в нищете. Есть ли сегодня на него похожий политик?

Когда для князя Львова настал час взять ответственность за дело спасения России на себя, он призвал всех к действительному патриотизму: «Родина-мать» – на краю гибели. От насилия правительство отказалось, считая, что оно есть сила прежде всего моральная. В беседе с представителями прессы Г.Е. Львов сказал: «Над Россией засияло солнце свободы и сразу осветило глубокое дно озера – гений русского народа. И этот гений говорит нам о великодушии к прошлому и о действенной энергии в будущем» [2, с. 353].

Если вспомнить тезис Карла Маркса, что революции – локомотивы истории, то на примере князя Г.Е. Львова (1861–1925), можно согласиться с мнением Элвина Тоффлера: «локомотива истории» не существует. Таковым не было премьерство Львова. Он тяготел к плеяде умеренных либералов и прибегал к лексике «мирнообновления», транслируя идеи «народолюбия», «ненасилия», нравственного устройства России. По выражению М.А. Алданова, оптимизм Львова позволял видеть в нём «Кутузова русской революции». От премьера слышали такие слова: «Боже, как всё хорошо складывается!.. Великая, бескровная...». В словесные формы периодически вливалась лихорадочная энергия «Временщика», которая перемежалась с унынием и усталостью. Через четыре месяца своего премьерства (08.07.1917) Г.Е. Львов заявил: «...я по долгу совести перед родиной не считаю себя в праве принимать участие в проведении в жизнь принятых Временным правительством программ» [2, с. 373].

В своих мемуарах Фёдор Степун даёт характеристику князю Львову, который умел говорить с народом дельно и просто, по-своему и по-народному. Он был словно созданным для поста первого министра-председателя. Львов отличался глубокой религиозностью. Побывав в Оптиной пустыни, я убедился, что монашество его помнит и почитает. Как истинный христианин, он покался: «Ведь это я сделал революцию...». Это признание приводится в книге Степуна «Бывшее и несбывшееся». И нам следует признать, что февраль 17-го выдвинул на миг в лице Львова своего нравственного путевода.

По предложению князя Львова министром-председателем стал А.Ф. Керенский, которому предстояло отказаться, по его словам, от «мягкой манеры управлять». И у него стало «больше резкости в обращении с людьми, больше внешнего нажима в манере управления». Однако даже при желании разогнать Советы он не мог это сделать.

Я сделал попытку посредством филологии узнать взаимное трение между личностью Керенского и обществом. Февраль выдвинул второго политического вождя. А.Ф. Керенскому (1881–1970) логикой самой ис-

тории было суждено занять позицию безнадёжности. Об этом сказано Фёдором Степуном в книге «Бывшее и несбывшееся». По мнению же Суханова, Керенский «часто бывал на высоте французской революции, но никогда не бывал на высоте русской». В сухановских устах имелась в виду социальная революция. Из общения с премьер-министром Фёдор Степун смог заявить о решительности Керенского, с которой он «защищал надклассовый, то есть всенародный характер Февральской революции». Он, защитник революционной демократии, переживал формулу о свободе, равенстве и братстве как «некую трёхипостасную Истину». Его истина шла от «убеждённого государственника и горячего патриота России» [9, с. 410].

Общаясь с революционной толпой, премьер-министр решался бросать в неё знаменитые слова о «взбунтовавшихся рабах» и напоминал собравшимся на митингах о главной задаче Временного правительства – восстановить национальный аппарат «для обучения одних управлению, а других послушанию». Однако Керенский не чувствовал ни нравственно-бытовой сущности армии, ни её эстетики (суждение Ф. Степуна). Главнокомандующему не был близок и дорог армейский уклад; он не понимал того, «сколь много теряло офицерство с разрушением быта и духа старой армии».

В «Мемуарах» А.Ф. Керенского воспоминание «Февраля и Октября» имеет ключевое слово «варвары»: «Мы – варвары друг для друга». А от мысли в целом шло «грозное предостережение» и признание в том, что «действительно больно и очень серьёзно!». В упомянутых воспоминаниях я отыскал три задачи февральской революции, по Керенскому. Три задачи – всего три слова: *армия, земля, мир*. Трагедию 1917 года мемуарист видел не в государственности революции, а в смешении двух стихий: революции и разложения, шкурничества. Первой служила партия Керенского, на второй стихии играла партия большевиков.

В противоположность понятиям «бунта», «мятежа» и «восстания» вторая российская революция вызвала к жизни идею *либеральной цивилизации* и создала механизм перехода от старого, отжившего режима к новому строю.

Наука предупреждает об опасностях моментальных социальных переходов. В её повестке отстаиваются принципы: «преемственность власти» и «непрерывность права». Властители признали все внешнеполитические обязательства империи и объявили о созыве Учредительного собрания. Временное правительство разрешило свободу собраний и союзов; передало государству земли, принадлежащие царской семье; санкционировало рабочие комитеты на производстве; ввело хлебную монополию. И самое главное: 1 сентября 1917 года Россия была объявлена Республикой, то есть страной «Общего дела». Слово «республика» надо присоединить к трём указанным словам Керенского. В этом лице демиурга воплотилась попытка управлять революционными событиями без насилия.

Словесность столетней давности

Решаюсь реконструировать военную силу в революции – консервативную и радикальную. Вспоминаю вторую гражданскую войну в Англии (Карл I vs парламент) и Париж 1791 года. По их подобию неизбежным был и корниловский мятеж. Консервативные силы в этих трёх случаях обостряли общественно-политическую ситуацию. Вождь консервативно-радикального движения Л.Г. Корнилов знал, что следует делать с русскими людьми во время революционного хаоса. Он воплотил в себе крайность военного консерватизма. Умеренное Временное правительство, чтобы удержаться у власти и не допустить к ней консерваторов, должно было постоянно лавировать, пытаясь сочетать либерализм с консерватизмом.

В корниловском ответе на радиотелеграмму Керенского говорилось о том, что на карту исторического момента поставлена судьба Отечества. Генерал, обратившись к русским людям, воскликнул: «...великая Родина наша умирает! Близок час её кончины!». Далее было передано заявление: «Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба... убивает армию и потрясает страну изнутри». Главнокомандующий призвал людей к спасению умирающей Родины и к молитве «о явлении величайшего чуда, чуда спасения родной земли». Радиотелеграмма заканчивалась словами: «Я, генерал Корнилов... заявляю... что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ, путём победы над врагом, до Учредительного собрания». Для главнокомандующего «злой днём» была власть – «твёрдая» и «сильная». Эти корниловские прилагательные исходили от патриота: «Я не контрреволюционер. Я ненавижу старый режим... Возврата к старому нет и не может быть...» (из признания ген. А.С. Лукомскому). В свете этих слов вызывает недоумение причисление Л.Г. Корнилова к «главным врагам революции» [12]. На самом деле он исполнял роль «консервативного революционера».

После Февральской революции Корнилов выступил против сил, которые вели воюющую страну к катастрофе. Отважный и умный генерал стремился установить военную диктатуру, чтобы остановить разложение внутри России и возродить боеспособную армию, охраняющую революцию.

В противостоянии Белого и Красного движений Л.Г. Корнилов сыграл немаловажную роль, но проиграл в битве белых и красных. Однако хотя он и проиграл в историческом противостоянии, зато выиграл нравственно и религиозно как либеральный консерватор.

На какую сторону я должен сегодня стать: отца-красногвардейца или героя России? Всё-таки придётся предпочесть феномен конвергенции Красного с Белым: и поэтому временами возлагаю цветы у могилы отца и к памятнику Корнилову в Краснодаре. Каждый из них любил Россию по-своему.

Генералу не удалось установить режим, названный им «демократической диктатурой». Глава Временного правительства Керенский позже пожаловался по поводу того, что, борясь с «большевиками левыми» и «большевиками правыми», он хотел «идти посередине», а ему не помогли. Резонно было бы спросить главу Временного правительства: почему он тогда не сказал публично о медианной сущности России? Впрочем, ответ напрашивается сам собой: его морализирующее отношение к истории и революции было неправильным, поскольку всё в мире вырастает из таинственной связи добра и зла. Сути же либерального консерватизма Керенский не понял и предал Корнилова. А Марина Цветаева его прославила стихотворением «Корнилов».

Рассматриваемые понятия «мораль», «революция» и «конвергенция» переплелись в 1917 году в линию патриотической конвергентности или в искомую патриотичность. И это вполне закономерно, если мы признаём всероссийский патриотизм искомой Русской идеей. Такой интеллигент, как В.В. Путин, это уже делает. Нам остаётся принять вербальное наследство Февраля.

1917-й ускорился риторикой конвергентов и дивергентов. До последнего времени я этого не мог признать. Три десятилетия тому назад трудно было решиться ввести в разрабатываемую мною проблематику россиеведения слово «конвергентность», ведь местом его приложения были естественные науки. Теперь, исследуя 1917 г., стало необходимо зафиксировать появление тогда элементов схождения и сближения. По примеру природы в революционной стихии возникало сходство в структурах и функциях общественно-политических организаций, участвующих в событиях Февраля и Ноября. Противоположные действия совершали непримиримые дивергенты. С приездом В.И. Ленина в Петроград набирала силу дивергенция, расхождение в словах и делах революционеров. Вождь мирового пролетариата считал необходимым превращение внешней войны во внутреннюю – гражданскую. С радикальным большевизмом находили сходство левые эсеры. Временное правительство и Советы «сближались» друг с другом («двоевластие»). Всероссийский Церковный Собор – превосходный пример конвергентности. Вершиной в практической конвергенции стали выборы Учредительного собрания. Изучая многообразный революционный процесс, мы сможем разгадать смыслы отечественной «конвергенции» и «дивергенции».

Меня заинтересовал вопрос о том, каким образом Февралём «освобождённое слово» оборачивалось в сторону радикального Октября. Историк и лидер кадетов Павел Милюков, занявший пост министра иностранных дел, даёт ответ союзникам по Антанте: Россия готова воевать до победного конца. Разразился Апрельский кризис. Он принёс с собою опытную мистику, которая позволила лидеру большевизма одержать невероятную победу над своими противниками. Ленинский триумф фактически был достигнут благодаря Апрельскому кризису. Последнему

были противопоставлены знаменитые «Апрельские тезисы», которые, казалось бы, не имели непосредственного отношения к милюковскому заявлению. Но оно существенно подтолкнуло революционный настрой масс. При этом вождь В.И. Ленин высоко поднял знамя с идеей мира. Словесно пацифистская революция усиливала свою энергетику. Именно весной стало ясно, что значительная часть населения, прежде всего воюющая армия, выступает за мир любой ценой, а не за войну до победного конца. Поэтому класс бывших властителей войны сходил на нет...

В чём же заключается лексическая новация Октября?

Во время продолжительной работы над дискуссионной темой Октябрьской революции как-то само собою отходил на второй план её традиционный обзор. На заседании II Всероссийского съезда Советов напором большевиков на делегатов им было навязано воззвание о переходе власти к съезду Советов, а на местах – к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В первые дни после октябрьского восстания Совет Народных Комиссаров издал ряд декретов. Их слова были оглушительными: предложение всем воюющим державам немедленного перемирия на всех фронтах; немедленное открытие переговоров о демократическом мире; передача всей земли в распоряжение волостных земельных комитетов; рабочий контроль в промышленных заведениях; равенство и суверенитет народов России... вплоть до отделения и образования самостоятельных государств; отмена судов и законов и т. д. Новая власть действовала смело, вплоть до безрассудства. Но народные массы испытывали колебание и недоумение. В зрелых политических кругах царил убеждение, что большевистский режим – лишь нарыв на теле революции. Нарыв – злокачественный? Скоро вскроется? Быть может, немощный организм страны скоро оздоровится. (Запись этих настроений принадлежит генералу А.И. Деникину в книге «Очерки Русской Смуты».)

Советское правительство представлялось как временное, поскольку вопрос о власти должен был быть решён Учредительным собранием. Однако В.И. Ленин стал действовать диктаторским способом массового внушения, доводя ситуацию до точки кипения. Всего два слова – «караул устал» – стали выражать то, что требовалось приходящей диктатуре большевизма. На самом деле Россия была крестьянской страной, но с позиции ленинского духа «диктатура пролетариата» была превыше всего.

Как видится Октябрь? Тремя годами ранее большевики стали осуществлять кощунственную атаку на церковные святыни, вскрывать мощи русских святых. Священник патриарх Тихон изо всех сил стре-

мился сдержатъ всё возрастающие гонения на Русскую Православную Церковь. Однако насильники и гонители Христа проявляли невиданное варварство, воздвигали целые курганы из тел убиенных людей. Но верующие сохраняли совесть, поддерживая героическое сопротивление большевизму со стороны русской церкви.

Быть может, смысл Октября в том, что он пообещал землю крестьянам? Русская деревня уже многие десятилетия была охвачена страстным желанием овладеть господской землёй бесплатно. И I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов (май 1917 г.) принял Примерный наказ, составленный на основании 242-х крестьянских наказов, присланных с мест. Основной его раздел – О земле – лёг впоследствии в основу одноимённого большевистского Декрета, хотя последний не отражал взглядов Ленина. Но вождь пролетариата знал, что главное – взять власть в свои руки. Завороженные иллюзией большевизма, крестьяне приветствовали «Декрет о земле» с той же страстью, с какой они ожидали мира на земле.

Думаю, что смысл Октября нельзя выяснить без Февраля и Ноября. По Ленину, этот смысл отрицал национальное народоправие. По Керенскому, в России не должно было быть никакой диктатуры – ни корниловской, ни ленинской. Но без диктатуры нельзя было спасти огромную державу и наладить коммуникативные связи между властью и народом. Это не дано было сделать трагической фигуре А.Ф. Керенского. Все штыки и пушки находились в рабочих и крестьянских руках (мысль Ф. Степуна). И народная масса поддержала не февралистов, а большевиков. Эти «октябристы» были на стороне солдат, которые требовали от своих начальников мира и без разговоров втыкали штыки в землю. Другие «октябристы» вместе с кадетами были за войну.

Что-то надо было делать, чтобы спасти страну. Но никто, кроме Ленина, не знал, что именно необходимо предпринять, чтобы сделать крайне необходимое. Противники же большевиков так и не нашли разумную точку приложения своей созидательной воли.

Вождь разрушительства старого и созидания коммунизма непоколебимый В.И. Ленин действовал по подобию библейского Бога: «Да будет так». Революция низвергнет тёмную и нищую Россию.

При рассмотрении мятежного Октября в его историческом контексте стал выдвигаться в качестве центрального аспекта тезис о том, что жизненный трагизм 1917 года наполнен неким сакральным духом; революционная драма в воюющей стране открыла возможность восхождения от сурового быта армии и тыла через события того времени к некоему фундаментальному бытию. С полным основанием философ Фёдор Степун, наблюдавший за ленинским действием, сравнивал его разве только с сотворением мира, как оно представлено в Ветхозаветном Бытии. Меня также давно охватывал ленинский пафос мистицизма. Вождь мировой революции будто был связан с тайным существом и

силами мира. В его устах Карл Маркс с идеей коммунизма превосходил всех библейских пророков. Поэтому можно было представить военный переворот как самую великую революцию. И миф о ней действительно прожил более семи десятилетий.

Мне ясно, что понять российскую революцию 1917 года можно лишь в сочетании двух ракурсов – политической истории несослагательного наклонения и сакральной истории сослагательного наклонения. Пути отечественной истории будут поистине неисповедимы, пока мы не признаем, что российская история, исполняющая требования Откровения, имеет таинственное сослагательное наклонение. Поднимаясь на вершину философской филологии, надо понять, что перед нами не просто история революции, а история сакрального исполнения задач Высшего Разума. Революция в России столетней давности открыла перспективу для всего мира в XXI столетии. Эта перспектива требует прилагательного «гуманистическая» и развития соответствующих функций языка, слов, речи. Способны ли они найти надёжную гарантию от государственных потрясений?

Список литературы

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. 544 с.
2. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е. Львова. М.: Русский путь, 2001. 464 с.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 10. М.: Воскресенье, 1996. 600 с.
4. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. Киев: Port-Royal, 1996. 368 с.
5. Симуш П.И. Коды Серебряного века: что разгадывает С.А. Есенин? М.: МООО «АСМО-синтез», 2015. 224 с.
6. Симуш П.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М.: Политиздат, 1991. 255 с.
7. Симуш П.И. Поэтическая мудрость С.А. Есенина. М.: ИФ РАН, 2008. 231 с.
8. Симуш П.И. Правитель, властители, россияне в искании средственности. М.: МООО «АСМО-синтез», 2016. 248 с.
9. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, Изд. группа «Прогресс-Литера», 1994. 651 с.
10. Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 464 с.
11. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
12. Шишов А.В. Корнилов. Главный враг революции. М.: Вече, 2013. 352 с.

POLITICAL ANTHROPOLOGY

Petr SIMUSH

DSc in Philosophy, Professor, Senior research fellow in the Department of philosophy of culture. RAS Institute of Philosophy, St Goncharnaya. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: simush@inbox.ru

RUSSIAN EVENTFULNESS – 1917: ARTFUL WEAVING OF WORDS

The subject of research is world and peace, the boundary of which is war. The choice of Russia in 1917 – revolutionary pacifism demanded by the necessity of labor vs. the war and creation vs. destruction. Russian literature of the revolution is superior to the prejudiced mind of politicians. Modern Philology approached to the opening of the sacred sense of “February”, “October” and “November”. In the unity of their communication, the revolutionary eventfulness in the spiritual life and fate of Russia was for every Russian the fateful choice for peace against war.

Phenomenology of dual reality – the visible and the metaphysical – was summarized due to the method of induction and deduction. Also was used the method of synthetic construction, including the verbal aspect of the portrait.

Revolution has a communicative and a median nature, which express the requirement of a Revelation to see the “middle Kingdom” in the revolutionary community. The poets of the Silver Age heard the heavenly “music of the revolution”, considered her image and realized its median nature. Integral-philological analysis of the weaving of words about the revolutionary events of 1917 allowed the author to challenge the formula of the single Great October and to enter In Russian studies the idea of convergence of the four-phase Russian pacifist revolution. The author presents 1917, inextricably linked with the First World War, the main cause of Russian pacifist revolution. He recalls Lermontov’s “Prediction” (1830) about the impending disaster, the “black day” In Russian fate. Unlike politicians who cling to the intricacies of rhetoric about good and evil, the lyrics of Russia are exponents and creators of the liberal-humanitarian culture. The thought of Silver Age about God, about Revelation lived and lives in its context.

At the turn of 1917-th classics were able to gain the understanding of the main. Epigraphs from their works may precede investigation of “Russia and Revolution”. A hundred years ago, there was no force in the world that would stop the challenge to normal communication. Russian and Jewish poets are its amazing heralds. Commitment to the old truths of the autocracy and individualism turned into debris in the form of prejudice. Staring into the revolution it is impossible not to see its usual verbal activism associated with the youth of its participants. The revolutionaries felt not like mortal people but like immortal heroes. Their mouths spoke seductive words: “people”, “freedom”, “democracy”, and “revolution”. The decaying state was called “fatherland”, a real disaster “homeland”. The basis of Socialist Revolutionaries and Bolshevik’s socialist utopia was an idea that the revolution represents something more real than Russia and its population. Heroes-revolutionaries overshadowed ordinary people who needed peacefulness.

Pushkin’s approach, which I have used, requires consideration of the whole great eventfulness – 1917 – in unity and integrity and, like in the song, we must not ascend one word “October” to the heaven, and hush other word – November. The author does not share anti-tsarist point of view that the Russian monarchy was unbearable and a bloody despotism. The truth is that the autocratic regime, rejecting dialogue with the people, transformed in February into dust without shooting and bloodshed. A revolutionary element knows its own leaders, but they have not delved into the life tragedy of the concept of “Monarchianism”. Exactly it really is the center of Russia.

Key words: rhetoric, useful, pacifism, convergence, medianity, patriotism, the demiurge, communication, world war, revolutionary peacefulness

References

1. Blok, A. *Sobranie sochinenii* [Selected Works], 8 Vols., Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1963. 544 pp. (In Russian)
2. Chaadaev, P. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow: Sovremennik Publ., 1989. 623 pp. (In Russian)
3. *Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov: Feniks Publ., 1997. 464 pp. (In Russian)
4. Polner, T. *Zhiznennyi put' knyazya G.E. Lvova* [The Life Path of Prince GE of Lviv]. Moscow: Russkii put' Publ., 2001. 464 pp. (In Russian)
5. Pushkin, A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Selected Works], 17 Vols., Vol. 10. Moscow: Voskresen'e Publ., 1996. 600 pp. (In Russian)
6. Russell, B. *Filosofskii slovar' razuma, materii i morali* [Philosophical Dictionary of Reason, Matter and Morality]. Kiev: Port-Roal Publ., 1996. 368 pp. (In Russian)
7. Shishov, A.V. *Kornilov. Glavnyi vrag revolyutsii* [Kornilov. The main enemy of the revolution]. Moscow: Veche Publ., 2013. 352 pp. (In Russian)

8. Simush, P. *Kody Serebryanogo veka: chto razgadyvaet S.A. Esenin?* [Codes of the Silver Age: What Solves SA. Yesenin?]. Moscow: ASMO-sintez Publ., 2015. 224 pp. (In Russian)

9. Simush, P. *Mir tainstvennyi... Razmyshleniya o krest'yanstve* [The World is Mysterious... Reflections on the Peasantry]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 255 pp. (In Russian)

10. Simush, P. *Poeticheskaya mudrost' S.A. Esenina* [Poetic Wisdom Yesenin]. Moscow: IF RAN Publ., 2008. 231 pp. (In Russian)

11. Simush, P. *Pravitel', vlastiteli, rossiyanе v iskanii sredstvennosti* [The ruler, the rulers, the Russians in seeking the mundane]. Moscow: ASMO-sintez Publ., 2016. 248 pp. (In Russian)

12. Stepun, F. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The former and unfulfilled]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., Progress–Litera Publ., 1994. 651 pp. (In Russian)